

ТЕАТРАЛЬНЫЙ И МУЗЫКАЛЬНЫЙ ВЪСТНИКЪ.

ГОДЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

№ 12.

22 МАРТА 1859.

Выходитъ одинъ разъ въ недѣлю (по воскресеньямъ).

Цѣна 10 руб. въ годъ; съ доставкою на домъ 11 руб. сер.;
пногородные прилагаютъ за пересылку 1 руб. 50 коп.

Принимается подписка на получение Т. и М. Вѣстника въ настоящемъ 1859 г.

въ Конторѣ журнала, находящейся въ С. Петербургѣ, при музыкальномъ магазинѣ Ф. Стелловскаго, поставщика Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, въ Большой Морской, д. Лауферта; въ Газетныхъ Экспедиціяхъ; въ Москвѣ, въ магазинахъ музыкальныхъ: Ленгольда и братьевъ Шпльдбахъ, и въ книжныхъ: Базунова, Щепкина и Свѣшниковъ.

Желающіе подписаться могутъ получить Вѣстникъ съ 1 №-ра со всѣми приложениями.

Редакція находится въ Офицерской, близъ Большаго Театра, въ домѣ Клтнера, кв. № 23.

Къ № 12-му предлагается: Ноктюрнъ Шопена.

Содержаніе: Концерты (А. Сѣрова и М. Раппапорта). — Вѣсти отсюду (М. Р.). — Нѣмецкій Театръ въ Германіи (продолженіе). — Юность Бетховена (продолженіе). — Музыкальныя] извѣстія.

ПЕРВЫЙ СИМФОНИЧЕСКІЙ КОНЦЕРТЪ

ИМПЕРАТОРСКОЙ ТЕАТРАЛЬНОЙ ДИРЕКЦІИ.

Вмѣсто скромнаго голоса музыкальнаго лѣтописца хотѣлось бы имѣть въ своемъ распоряженіи всѣ тромбоны «славы», чтобы сдѣлаться достойнымъ глашатаемъ важнѣйшаго музыкальнаго событія, которое совершилось 15 текущаго марта, въ Большомъ Театрѣ!

Хотѣлось бы скликнуть всѣхъ, рѣшительно всѣхъ любителей музыки въ Петербургѣ, мало того—созвать, еслибъ возможно было, всѣхъ друзей музыкальнаго искусства, разсыпанныхъ по широкому пространству нашей родины,—на такія музыкальныя празднества, которыхъ рядъ открылся блистательнымъ концертомъ 15 марта!

Хотѣлось бы въ самыхъ горячихъ, въ самыхъ искреннихъ выраженіяхъ принести глубочайшую благодарность просвѣщеннымъ учредителямъ этого нововведенія, которое будетъ имѣть пользу для искусства неисчислимую, безконечную!..

«Но что же такое было?» «что такое сдѣлалось?»—спросить тѣ, которые не знаютъ о вечерѣ 15 марта,—«кто же изъ знаменитыхъ виртуозовъ участвовалъ въ этомъ концертѣ, какое инструментальное или вокальное *соло* такъ плѣни-

ло публику, и придало этому концерту особенную, чрезвычайную важность?»

Въ томъ-то и дѣло, что Дирекція Императорскихъ Театровъ избрала инструментъ, который во впечатлѣніи затмѣваетъ и фортепіано, и скрипку, и виолончель, всѣхъ солистовъ на свѣтѣ,—нашла виртуозовъ, которые владѣютъ этимъ богатѣйшимъ инструментомъ на-славу, творятъ изъ него чудеса чудныя, дива дивныя...

Инструментъ этотъ—оркестръ изъ 150 опытныхъ музыкантовъ, да хоръ изъ 150 хористовъ и хористокъ; а виртуозы — которые вызываютъ волшебные звуки изъ такого могучаго инструмента: Бетховенъ, Мендельсонъ...

Въ томъ-то и дѣло, что предпріятіе, которое въ первый разъ осуществилось 15-го марта, не требовало особенныхъ, немовѣрныхъ усилій,—великолѣпныя средства были подъ рукою. Надобно было *захотѣть* и *умѣть* ими воспользоваться.

Каждый годъ Дирекція Театровъ давала въ теченіе великаго поста нѣсколько концертовъ, составленныхъ, какъ и многіе другіе концерты изъ «Живыхъ картинъ», перемежаемыхъ съ аріями и піесами разныхъ солистовъ, да съ увертюрами на придачу. Въ такіе концерты публика собиралась, конечно, не для музыки, а «живыхъ картины», хотя бы въ самомъ дѣлѣ картины изысканныя, съ серьезными цѣлями искусства имѣютъ мало общаго.

Между тѣмъ Петербургъ уже очень много лѣтъ — въ отношеніи дѣльной, хорошей музыки, требующей, конечно, большихъ музыкальныхъ средствъ,—рѣшительно спротивуется.

Въ прежнія времена здѣшнее Филармоническое общество —(которое удостоилось имѣть великаго Іосифа Гайдна въ числѣ своихъ почетныхъ членовъ)—стояло на первомъ планѣ въ отношеніи музыкальности петербургской, было блюстителемъ чистоты музыкальнаго вкуса,—давая ежегодно то Реквиемъ Моцарта, то «Сотвореніе міра» Гайдна, то Мессы Керубини.

«Tempora mutantur...» Три года назад это же самое общество, давая концерт въ столѣтній юбилей *Моцарта*, включило въ программу нѣсколько нумеровъ изъ Сѣверной звѣзды и изъ оперъ Верди.

Въ нынѣшнемъ году это самое общество, со столько-отвѣтственнымъ для искусства титуломъ «Филармоническаго», — дало концертъ, весь составленный изъ любимыхъ отрывковъ моднаго итальянскаго репертуара и — «алмазомъ» концерта помѣстило пѣніе г. Тамберликомъ русскаго «романса», которому вмѣсто акомпанеента оркестра было бы достаточно и гитары. (*)

Отрадою истиннымъ любителямъ музыки, жаждущимъ просвѣщенно-музыкальных наслаждений, а не той дребедени, которую паиграютъ и шарманки, остались только три симфоническіе вечера, даваемые ежегодно на второй, четвертой и шестой недѣлѣ великаго поста, [въ залѣ придворной пѣвческой капеллы.

Тамъ выборъ строгъ, болѣею частью удаченъ (хотя не мѣшало бы побольше разнообразія, сохраняя между тѣмъ одну изъ *бетховенскихъ* симфоній непремѣнно капитальною пѣсней *каждаго* концерта).

Тамъ исполненіе (инструментальной части) отлично-отчетливое, иногда близкое къ совершенству.

Но — такихъ «дѣлныхъ», истинно-музыкальных концертовъ только — три въ году. Это немного. Притомъ они доступны только весьма небольшому кругу посѣтителей, по ограниченности помѣщенія (зала тѣсенъка) и по довольно-высокой цѣнѣ за билетъ (10 р. за три вечера).

Для распространенія музыкальнаго вкуса въ большинствѣ публики, въ разнородной массѣ столичныхъ жителей, которымъ доступны музыкальныя впечатлѣнія и которые жаждутъ ихъ, — въ сезонъ отдохновенія театровъ — для такой болѣе широкой цѣли, вызываемой современными потребностями, надобно было отвести симфонической музыкѣ болѣе просторную арену.

Чего же лучше — какъ не сцена Большаго Театра?

А средства? Гдѣ же они богаче, какъ не въ Императорской Дирекціи, имѣющей въ распоряженіи своемъ оркестръ оперы итальянской, русской, балета, русскаго драматическаго театра, труппы нѣмецкой и французской и полнѣйшіе хоры двухъ оперныхъ труппъ, а для вокальных партій соло — артистовъ русской оперы —?

Разнообразіе программы и искусное пользованіе богатѣйшими средствами можетъ повести къ результатамъ громаднымъ, которыхъ вліяніе на вкусъ публики будетъ самое благотворное и весьма быстрое.

Стоитъ только *начать*!

И вотъ — начало уже сдѣлапо, путь проложенъ! Успѣхъ съ самаго перваго раза — блистательный, хотя публика еще вовсе не была приготовлена къ такой повизнѣ и, увидѣвъ серьезную афишу концерта, быть можетъ, на первую минуту пожалѣла объ отсутствіи живыхъ картинъ и виртуозовъ солистовъ. И ко всему *хорошему* человѣкъ долженъ пріучать себя постепенно.

Что же касается до тѣхъ любителей музыки, которые ни въ живыхъ картинахъ, ни въ «соло» на рожкѣ съ клапанамп, вовсе не пужаются, то они затрудняются только, какъ

я уже говорилъ, въ способѣ выраженія своего сочувствія лично-начатому дѣлу, затрудняются въ способѣ выраженія своей благодарности господину Директору Театровъ и другимъ лицамъ Дирекціи, участвовавшимъ въ этой благотворной мысли, также К. Б. Шуберту, который, служа искусству съ необыкновенною любовью и истинно-артистическимъ безкорыстіемъ, взялъ на себя составъ программъ и чрезвычайно-успѣшно исполняетъ трудную обязанность капельмейстера въ этихъ концертахъ, организуемыхъ въ самомъ широкомъ размѣрѣ.

Вотъ программа перваго концерта:

1. Пасторальная симфонія Бетховена.
2. Хоръ узниковъ изъ финала 1-го акта оперы Бетховена «Фиделіо».
3. Вся музыка Мендельсона къ пьесѣ Шекспира «Сонъ въ лѣтнюю ночь», т. е. увертюра, скерцо, хоръ эльфовъ, интермедія, похитириъ, свадебный маршъ и заключительный хоръ.
4. Увертюра Бетховена «Леопора» (3-я изъ четырехъ увертюръ къ оперѣ «Фиделіо»).

Для посѣтителей концертовъ капеллы тутъ не было ничего незнакомаго (кромѣ хора изъ Фиделіо, который въ тѣхъ концертахъ не исполнялся). Но сколько, быть можетъ, случилось и такихъ посѣтителей концерта Дирекціи, которые въ первый еще разъ въ жизни узнали *музыкальное чудо*, называемое «Симфоніею пасторальною», — сколько и такихъ, которые слышали, быть можетъ, и симфонію, и увертюру Мендельсона — *Sommernachtstraum*, — напимѣръ въ Университетскихъ музыкальных утрехъ, но рѣшительно ничего не знали изъ другихъ нумеровъ Мендельсона въ Шекспировой пьесѣ, и ничего также изъ Бетховеновой оперы! Все это для музыкальнаго просвѣщенія пріобрѣтенія богатая. Все это въ Германіи можно слышать очень-часто, но для петербургской театальной и концертной публики все это — рѣдкость.

Распространяться въ папегирикѣ красотахъ Пасторальной симфоніи было бы, съ моей стороны, черезъ-чуръ наивно.

Кто не знаетъ этихъ красотъ, для того всѣ музыкальныя разборы — книга закрытая, а кто знаетъ, тому я ничего не прибавлю моимъ велерѣчіемъ. Но и на этотъ разъ не могу умолчать о громадномъ, раздавливающимъ впечатлѣніи, которое на меня производитъ эта изумительная музыка. Твердо зная каждую ея потку, я каждый разъ нахожу въ ней новыя и новыя прелести, новыя неразслышанныя въ ней сочетанія оркестровыя, — новыя ходы голосовъ, — новыя волнистыя линіи живаго организма, новыя сокровища свѣтотѣни... Тутъ совершенно то же неисчерпаемое богатство, какъ въ самой природѣ!

Одинъ мой знакомый, чрезвычайно-даровитый музыкантъ, находитъ, что «Аиданте» этой симфоніи — растянута! Такъ думать — значитъ: обличать въ себѣ коренной недостатокъ цѣлой стороны психической, стороны необходимѣйшей для полнаго сочувствія Бетховенскимъ вдохновеніямъ.

Одно это Аиданте — цѣлый міръ блаженствъ, въ жаркій лѣтній день, въ прохладной и прозрачной тѣни густыхъ деревьевъ, на берегу ручейка, который тихо струится по камешкамъ, а кругомъ, въ кустахъ, стрекочатъ кузнечики, поютъ и порхаютъ пташки, всякая былинка поетъ и таетъ въ восторгъ; — и рядомъ съ этою жизнью природы струится жизнь сердца, — въ *сердцѣ* звучатъ всѣ эти хоры, въ *сердцѣ* любящемъ, утопающемъ въ блаженствѣ, какъ природа въ своей лѣтней нѣгѣ! Мелодія Аиданте идетъ *постоянно* — «ду-

(*) Впрочемъ отличная программа завтрашняго концерта Филармоническаго общества (23-го марта), составленная весьма-заинтересованно и со вкусомъ, заглагоживаетъ многіе грѣшки недавнихъ его концертовъ, болѣе «филантропическихъ» нежели филармоническихъ.

этомъ»... Она безпрестанно повторяется—она высказывает одно чувство, одну радость, один восторг... ей нельзя ничего другого высказывать... «Растянута» может быть «сочиненье» — а тутъ сочиненнаго нѣтъ ничего. Тутъ все живеть, дышетъ.

Потомъ—пляски поселянъ, веселая тенберовская картина, съ полнымъ добродушіемъ фламандской кисти...

Потомъ—гроза, не музыка, изображающая громъ и молнію, нѣтъ! сама электрическая буря, какъ есть — во всемъ мрачномъ величій, во всей торжественности, которая пугаетъ даже неустрашимыхъ. Природа — *лицомъ-къ-лицу*! Невольная дрожь пробѣгаетъ по тѣлу...

И все прошло! опять проглянуло солнце... засвѣтились алмазные слезки на листочкахъ деревьевъ—все освѣжилось, просіяло—пастушьи рога перекликаются съ холма на холмъ и изъ этихъ призывовъ вытекаетъ общій гимнъ поселянъ, пастуховъ, — въ той *первообытной простотѣ*, которая во сто кратъ выше всѣхъ опошленныхъ идиллій и аркадій. Въ финалѣ симфоніи царитъ отраднѣйшее чувство настроенія теплаго, любящаго, навстрѣчу природѣ, насквозь проникнутой *благодатью*. — Великая картина природы вся эта симфонія, несравненно выше всѣхъ возможныхъ Клодъ-лорреновъ и Каламовъ! «Beethoven *pinxit*». Съ тою разницею, что живописецъ даетъ *одни* моменты; музыка даетъ—рядъ моментовъ въ ихъ постепенности; а эта постепенность—сама *жизнь*!

Сила, создавшая природу, создала и ту геніальную голову, которая могла сосредоточить въ себѣ жизнь природы, чтобы высказать ее въ звукахъ!

Подъ бюстомъ Бетховена, за одну пасторальную симфонію, съ большимъ правомъ, можетъ быть, нежели подъ статуей Бюффона, слѣдуетъ написать:

Majestati Naturae par ingenium (*).

Цепайте на пасторальную симфонію, что я совсѣмъ невольно такъ о ней разговорился. Впрочемъ, давая отчетъ въ моихъ впечатлѣніяхъ, я и въ этомъ буду имъ вѣренъ, если скажу, что симфонія заняла въ душѣ моей главное мѣсто на весь вечеръ—мнѣ даже *не хотѣлось* слушать ничего другаго. Надобно было преодолѣть себя, чтобъ наслаждаться послѣдующими нумерами богатой программы.

Исполненіе симфоніи было вообще весьма удовлетворительное, и только обязанность быть строго-взыскательнымъ заставляетъ меня замѣтить слѣдующіе мелкіе недочеты.

Громадный оркестръ вообще—10 контрабасовъ, 24 примы, 24 секунды, 14 альтовъ, 14 виолончелей и двойной комплектъ всѣхъ духовыхъ (4 флейты вмѣсто двухъ, 4 гобоя вмѣсто двухъ и т. д.) въ нѣкоторыхъ мѣстахъ симфоніи, на примѣръ, въ бурѣ, гдѣ шумъ дождя—производилъ эффектъ истинно-колоссальный, но мѣстами эта массивность, не входившая въ расчетъ автора, вредила нѣсколько впечатлѣнію, придавая нѣкоторую тяжеловѣсность инымъ фразамъ, гдѣ требовалась чрезвычайная легкость.

Въ концѣ Анданте, гдѣ самимъ авторомъ означены единичные голоса отдѣльныхъ птицъ (соловья, перепелки, кукушки) никакъ не слѣдовало *дублировать* партій кларнета и особенно гобоя.

Удвоенное исполненіе придавало рѣзкость, вышуклость этому маленькому эпизоду, который Бетховеномъ помѣщенъ на дальнемъ, едва замѣтномъ планѣ.

Та же самая неумѣстная рѣзкость явилась и въ пляскѣ

крестьянъ (скерцо). Въ тонкомъ голоскѣ гобоя *соло* непременно долженъ былъ играть *одинъ* гобонистъ.

Въ томъ же скерцо соло вальдгорна совсѣмъ не удалось.

Темпъ скерцо ($\frac{3}{4}$) былъ взятъ г. Шубертомъ немножко медленнѣе, противъ того, какъ бы слѣдовало. Но вообще г. Шубертъ дирижировалъ весьма-исправно и съ большимъ толкомъ.

Превосходный *хоръ узниковъ* изъ «Фиделіо» не могъ произвести большаго впечатлѣнія;

во первыхъ потому что онъ связанъ съ впечатлѣніемъ сценическимъ, котораго въ концертѣ нѣтъ;

во вторыхъ, потому что былъ спѣтъ съ текстомъ *италіанскимъ*, когда написанъ подъ *нѣмецкія* слова;

въ третьихъ, потому что темпъ его былъ взятъ *скорѣе*, чѣмъ слѣдовало.

Хористы исполнили свое дѣло старательно.

Музыка Мендельсона къ «Сну въ лѣтнюю ночь» Шекспира нѣсколько разъ была предметомъ статей нашего журнала.

Исполненіе этой прелестной музыки, вообще говоря, было еще удовлетворительнѣе, нежели въ пасторальной симфоніи, хотя самое произведеніе Мендельсона пострадало нѣсколько во впечатлѣніи отъ невыгоднаго сосѣдства—съ Бетховеномъ. Рядомъ съ *этимъ* колоссомъ всякая музыка въ свѣтѣ принимается размѣры мелковатые. Этому ничѣмъ нельзя пособить!

Превосходное скерцо (G-moll — 1-й антрактъ), отличное-исполненное, до тончайшихъ оттѣнковъ, было повторено по единодушному востребованію публики. Въ прошломъ году, давая отчетъ о концертѣ Берліоза въ Баденѣ я сравнивалъ его фантастическое скерцо «Фею Мабъ» съ эльфами Мендельсона и отдавалъ преимущество Берліозу въ его истинно волшебныхъ хитросплетеніяхъ оркестра, въ его микроскопической ткани, тоньше паутиныхъ кружевъ. Не отступаясь отъ этого перевѣса въ пользу «фантастичности» Берліоза,—его самой сильной сторонѣ—замѣчу только, что чудесны подробности и въ Мендельсоновомъ скерцо. Много тутъ ума, красоты, фантазій и юмору неподражаемаго.

Въ женскомъ хорѣ (пѣсенка эльфовъ, убаюкивающая ихъ царицу Титанію) многочисленность исполнительницъ вредила легкости этой нѣжно-граціозной піески. Тутъ довольно было бы пяти или шести хористокъ на каждую партію.

Чудесный антрактъ (A-moll) съ комическою интермедією (A-dur) былъ исполненъ въ совершенствѣ, также какъ и свадебный маршъ.

Увертюра Леопоры—опять *колоссъ*, о которомъ говорить въ двухъ словахъ невозможно, а распространиться не позволяетъ ни время, ни мѣсто. Остается сказать, что эта изумительная, все-раздавливающая увертюра шла еще гораздо-лучше, отчетливѣе, нежели въ концертѣ г. Мортье.

Общее впечатлѣніе концерта—восхитительное!

Публики—даже на первый разъ, чего ожидать было трудно—собралось весьма-много. Только бель-этажъ былъ пустеекъ—вѣдь и въ самомъ дѣлѣ не Травіату же давали, — не «дивнаго» Верди, а какого-то Бетховена!

Пусть себѣ!—Дѣло *великое* началось, какъ нельзя успѣшнѣе и можно, безъ особеннаго дара предвидѣнія, сказать напередъ, что успѣхъ этихъ отрадныхъ концертовъ будетъ расти весьма-быстро.

Во второмъ концертѣ, какъ слышно дадутъ увертюру и нѣкоторые нумера изъ оперы Рихарда Вагнера «Тангейзеръ». Мое мнѣніе о ярко-геніальномъ творествѣ Вагнера извѣстно

(*) Генійъ равныйъ величію самой природы.

читателямъ этого журнала по прошлогоднимъ моимъ письмамъ изъ-за границы. Душевно радуюсь за Петербургскихъ любителей музыки, что благодаря полезнѣйшему для искусства старанію К. Б. Шуберта, она услышитъ, хотя въ отрывкахъ, то чудное произведеніе, которое въ цѣлой Германіи признано теперь на-ряду съ первѣйшими операми въ свѣтѣ. Конечно, Вагнерова музыка, отрѣшенная отъ сценическаго дѣйствія и исполненная въ концертныхъ отрывкахъ, теряетъ 50 на сто изъ своего достоинства, но и въ остальной *половинѣ* качество, останется красота довольно, чтобы плѣнить всякую публику свободную отъ предубѣждений. Притомъ превосходная увертюра оперы, какъ отдѣльное симфоническое произведеніе (по съ определенной программой) не теряетъ ничего и въ концертѣ. По счастью мы услышимъ эту великолѣпную увертюру еще и завтра, — въ концертѣ филармоническомъ. Въ 3-мъ концертѣ Дирекціи, кромѣ сцены изъ Глюковой «Ифигеніи въ Тавридѣ», какъ слышно, пойдетъ... Десятая симфонія Бетховена, въ полномъ своемъ величіи.

Составъ *программы* въ настоящемъ предпріятіи — дѣло *первой* важности и мнѣ бы хотѣлось еще много кое-чего высказать по этому предмету, но... лучше будемъ ждать *второго* концерта. Въ числѣ самыхъ петербургско-жаждущихъ такого высокаго наслажденія—подписывающій эти строки

А. СЪРОВЪ.

Нѣсколько словъ о прочихъ концертахъ:

г-дѣ Веле, Лауба, въ пользу пивалидовъ.—Г-нъ Коллосанте.—Предстоящій благотворительный концертъ.

Капитальнымъ концертомъ прошедшей недѣли былъ концертъ Дирекціи, о которомъ подробный отчетъ представленъ выше; другіе не представляютъ ничего новаго или особенно-занимательнаго и поэтому не станемъ объ нихъ распространяться. Г. Веле, весьма талантливый пианистъ-композиторъ, о пріѣздѣ котораго мы извѣщали въ свое время, далъ первый свой концертъ въ прошедшее воскресенье въ университетской залѣ и произвелъ на слушателей пріятное впечатлѣніе, хотя игра его и не отличается особенною виртуозностію. Манера его, туше и даже отчасти композиціи напоминаютъ многимъ Шумъгофа и сравненіе это можетъ дать вѣрное понятіе объ талантѣ г. Веле, потому что игра и произведенія Шумъгофа давно у насъ извѣстны. Вообще г. Веле, какъ салонный композиторъ и исполнитель, имѣетъ право занимать въ артистическомъ мірѣ почетное мѣсто,—мы просимъ замѣтить, что говоримъ—какъ салонный, потому что для концертной эстрады игра его, а также и произведенія, заключены въ слишкомъ тѣсную рамку и не могутъ удовлетворить современнымъ требованіямъ. Онъ исполнилъ нѣсколько пьесъ своего сочиненія, изъ которыхъ особенный успѣхъ имѣли: «Marche Cosaque, Styrienne и Brindisi». Въ заключеніе исполненъ былъ дуэтъ на два фортепіано изъ «Сѣверной звѣзды» (г-да Веле и Лешетницкіи), но какъ произведеніе, такъ и исполненіе, не можемъ назвать вполне удачнымъ. Принимали участіе въ этомъ концертѣ г-жа Бокъ и г. Ратковскій, о талантѣ котораго пѣть романсы и пѣсни (Lieder) мы говорили въ прошедшемъ номерѣ; о г-жѣ Бокъ скоро поговоримъ подробно въ отдѣльной статьѣ. 3-й концертъ г. Лауба въ понедѣльникъ (въ Большомъ Театрѣ) еще болѣе утвердилъ въ публикѣ нашей выгодное мнѣніе объ этомъ замѣчательномъ артистѣ и намъ остается только отослать читателей нашихъ къ двумъ прошедшимъ номерамъ Вѣстника, въ которыхъ игра его разобрана подробно. Обладая въ высокой степени совре-

менною виртуозностію, онъ вмѣстѣ въ тѣмъ одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ бывшихъ и настоящихъ исполнителей классической музыки и квартетные его вечера по четвергамъ доставляютъ слушателямъ высокое наслажденіе. По окончаніи всѣхъ этихъ вечеровъ представимъ отчетъ. Въ концертѣ своемъ онъ мастерски исполнилъ (во-второй разъ) концертъ Мендельсона, рондо «Paparago» Эриста и «le Streghe» Паганини. Вмѣсто объявленнаго романса Бетховена г-мъ Лаубомъ исполненъ былъ безъ аккомпанимента, т. е. на одной скрипкѣ, квинтетъ изъ Лучи и мы должны признаться, что мы весьма сожалѣли объ этой перемѣнѣ: вмѣсто Бетховена—Донизетти,—воля ваша, а какъ-то странно; перемѣна слишкомъ рѣзкая и невыгодная. О. Г. Горлакеръ, исполнившемъ извѣстную арію Страделлы (di chiese) и пѣсни Шумана, скажемъ, что для того, чтобы выступить на сценѣ Большаго Театра въ Петербургѣ, недостаточно имѣть голосъ съ довольно пріятнымъ тембромъ,—нужно умѣть пѣть и, главное, пѣть вѣрно. Концертная эстрада не какая-нибудь гостинная, въ которой въ кругу близкихъ знакомыхъ можно еще позволить себѣ иногда детонировать, разсчитывая на смѣхожденіе...

Концертъ въ пользу пивалидовъ состоялся по обыкновенію блистательно, намъ удалось только быть на генеральной репетиціи, и мы не могли опять не быть въ восторгѣ отъ удивительнаго согласія огромныхъ массъ, выражающаго отличное состояніе нашихъ полковыхъ оркестровъ и знаніе своего дѣла главнаго капельмейстера г. Дерфельда, мастерски управляющаго этими массами. На репетиціи мы слышали замѣчательную игру на офиклендѣ вновь прибывшаго къ намъ артиста, г. Коллосанте. Онъ пользуется почти во всей Европѣ громадною извѣстностію и считается Паганини офиклендистовъ. Дѣйствительно трудно представить себѣ, что артистъ этотъ сдѣлалъ изъ своего неблагодарнаго инструмента; онъ поетъ на немъ такъ пріятно, такъ хорошо, что пѣніе его смѣло можетъ соперничать съ голосомъ человѣческимъ. Какъ виртуозъ, онъ творитъ чудеса на этомъ обыкновенно грубомъ, неграціозномъ, скажемъ даже презрѣнномъ инструментѣ. Передъ нашими глазами сотни извѣстнѣйшихъ журналовъ парижскихъ, италіанскихъ, лондонскихъ, германскихъ и пр.; всѣ они единогласно признаютъ г. Коллосанте великимъ артистомъ. Не дѣлаемъ выписокъ, потому что читатели наши могутъ сами познакомиться съ нимъ сегодня: онъ даетъ концертъ въ залѣ евангелической церкви св. Петра. На завтра объявлена тоже въ залѣ Дворянскаго Соборанія интересная программа концерта Филармоническаго общества.

Удовольствіе, соединенное съ добрымъ дѣломъ, вдвойнѣ пріятно и поэтому не сомнѣваемся, что добрые наши читатели не откажутъ въ своемъ содѣйствіи и подадутъ руку помощи бѣдному и *весьма* многочисленному семейству, въ пользу котораго благородные лучшіе наши артисты: г-жи Доттини, Леонова, г-да Антонъ Контскій, Сѣтовъ, Булаховъ и Шубертъ объявили на будущій четвергъ концертъ въ прекрасномъ залѣ Знаменской гостиницы, противъ станціи Московской желѣзной дороги. Прилагаемъ подробную программу, изъ которой читатели могутъ убѣдиться, что дѣйствительно имъ предстоитъ двойное наслажденіе. Намъ кажется, что самая цѣль концерта не требуетъ никакихъ больше комментарій. Желаящіе могутъ получать билеты въ конторѣ нашего журнала, у г. Стелловскаго (*).

М. РАППАПОРТЪ.

(*) Можно то же адресовать въ редакцію (на имя редактора) по городской почтѣ. По полученіи требованія билеты будутъ доставлены на-домъ.

ВѢСТИ ОТВСЮДУ.

(отъѣздъ г. Мартынова. — Рѣчи, произнесенныя на обѣдѣ, данномъ въ его честь. — Замѣчательная картина. — Докладъ Галеви о нормальномъ діапазонѣ. — Новосты на- ружекныхъ театровъ. — «Орфей въ аду» на петербургской сценѣ. — Мелкія извѣстія.

Александръ Евстаѣевичъ Мартыновъ уѣхалъ въ прошед- шій понедѣльникъ за границу. Отъ всего сердца желаемъ ему счастливаго пути и совершеннаго возстановленія здо- ровья. Онъ поѣхалъ на Варшаву, гдѣ отдохнетъ нѣсколько дней, а оттуда поѣдетъ въ Вѣну и постранируетъ нѣсколько времени, до начала курса въ Эмсѣ, по Германіи. Эмскія воды очень помогли ему въ прошедшую его поѣздку, а потому можно надѣяться, что онъ совершенно возстановитъ въ этотъ разъ его здоровье; притомъ же имъ будутъ содѣйствовать: спокойствіе, здоровый воздухъ, движеніе и отсутствіе еже- дневныхъ заботъ, съ которыми неразрывно связана жизнь актера, въ особенности же такого какъ г. Мартыновъ, ак- тера добросовѣстнаго, любимца публики, играющаго почти ежедневно. Мы слышали впрочемъ, что тотчасъ же по окон- чаніи водянаго курса, т. е. въ половинѣ лѣта, онъ возвра- тится въ Петербургъ. «Одесскій Вѣстникъ» объявилъ, что г. Мартыновъ будетъ играть лѣтомъ въ Одессѣ;—это совер- шенно не вѣрно: онъ не получалъ даже приглашенія ѣхать въ Одессу и, во всякомъ случаѣ, не могъ бы принять его.

Мы говорили въ прошедшемъ нашемъ номерѣ объ обѣ- дѣ, данномъ г. Мартынову литераторами и журналистами; предлагаемъ теперь рѣчи, произнесенныя на этомъ обѣдѣ.

Первый говорилъ А. В. Дружининъ отъ имени всѣхъ присутствовавшихъ. Вотъ что сказалъ онъ:

«Александръ Евстаѣевичъ. Уже много лѣтъ, какъ мы «всѣ, здѣсь собравшіеся, читатели высокаго дарованія ва- «шего, слѣдимъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ за вашей арти- «стической дѣятельностью. Мы чтимъ въ васъ не только «артиста, одареннаго великимъ талантомъ, но мужественна- «го бойца за честь русскаго искусства, такъ часто увлекае- «маго на ложную дорогу. Мы видѣли въ васъ художника съ «здравымъ и возвышеннымъ направленіемъ, художника рус- «скаго по твердости, русскаго по неуклонному своему по- «стоянству. Въ другихъ странахъ Европы великіе артисты «имѣютъ за себя богатую драматическую литературу, сотни «ролей, исключительно для нихъ написанныхъ лучшими пи- «сателями, наконецъ публику, воспитанную на строгихъ «идеяхъ изящнаго. Вамъ судьба назначила дѣйствовать въ «другой сферѣ. Наша сценическая литература не богата, не «многіе изъ лучшихъ писателей нашихъ трудятся для театра. «Наперекоръ всѣмъ невыгоднымъ и подчасъ невыносимымъ «условіямъ, вы честно дѣлали свое дѣло и ни шагу не от- «ступили передъ трудностями васъ окружавшими. Можетъ «быть, самый этотъ гнетъ неблагопріятныхъ обстоятельствъ «былъ плодотворенъ для нашего генія, для того внутренняго «огня, который вы навсегда сохранили въ своемъ сердцѣ. «Русскому дарованію необходимы борьба и могучій трудъ; «вся исторія нашего искусства служить подтвержденіемъ «этой истины».

«Примите же, нашъ высокоталантный другъ, выраженіе «искренняго поздравленія по-поводу послѣднихъ заслугъ ва- «шихъ. Настоящій годъ будетъ памятенъ въ лѣтописяхъ «русскаго театра, благодаря ролямъ, истинно созданнымъ «вами на удивленіе всѣмъ поклонникамъ вашимъ. Мы здѣсь «въ своей семьѣ и потому не нуждаемся ни въ какихъ «льстивыхъ выраженіяхъ, искренности привѣта нашего вы

«заподозрить не можете, а потому вы смѣло повѣрите го- «лосу людей, которые всей душой цѣнятъ сценическое иску- «ство, а многіе выдали блистательнѣйшихъ его представи- «телей на всѣхъ театрахъ Европы. По нашему искреннему «и нелицемѣрному мнѣнію, въ рядѣ современныхъ арти- «стовъ вы стоите первымъ между первыми. И въ Англіи, «и въ Германіи, и во Франціи вы можете встрѣтить достой- «наго соперника, но не найдете ни одного побѣдителя.

«Берегите же себя для славы нашего роднаго театра. «Храните свое здоровье и свой талантъ, какъ нашу общую «драгоценность, и пусть судьба пошлетъ вамъ сладкіе мѣ- «сяцы отдыха подъ чужимъ небомъ, послѣ честнаго и слав- «наго труда, за который, въ лицѣ нашемъ, благодарятъ васъ «всѣ читатели изящнаго въ нашемъ отечествѣ».

За этими словами послѣдовалъ тостъ въ честь г. Мартынова и ему поднесенъ былъ прочитанный А. В. Дружининымъ адресъ, подписанный всѣми присутствовавшими на обѣдѣ, какъ согласное, дружное выраженіе ихъ чувствъ и желаній. На память объ этомъ днѣ тутъ же врученъ ему былъ аль- бомъ съ фотографическими портретами участвовавшихъ въ обѣдѣ литераторовъ. На бархатномъ переплетѣ альбома вы- рѣзана золотыми буквами слѣдующая надпись: *Александръ Евстаѣевичу Мартынову, отъ почитателей его высокаго да- рованія, 10-ю марта 1859 года...* Растроганный Мартыновъ не зналъ какъ благодарить за этотъ радушный привѣтъ. Съ полными слезъ глазами онъ обращался то къ тому, то къ другому изъ присутствовавшихъ, и только пожималъ руки, не будучи въ силахъ произнести ни одного слова.

Затѣмъ А. Н. Островскій, отъ лица русскихъ драмати- ческихъ писателей, обратился къ Мартынову съ слѣдующими словами:

«Александръ Евстаѣевичъ. Публика васъ цѣнитъ и лю- «битъ; каждая новая роль ваша для публики новое наслажденіе, «а для васъ новая слава; вы постоянно слышите громкія вы- «раженія восторга, вызваннаго вашимъ дарованіемъ и трид- «цатилѣтнимъ честнымъ служеніемъ искусству; вы, наконецъ, «накопили столько пріятныхъ ощущеній въ зрителяхъ, что «они сочли долгомъ выразить вамъ лично и торжественно «свою благодарность за тѣ минуты наслажденія, которыхъ «вы были виновникомъ: по въ огромномъ числѣ почитателей «вашего таланта есть нѣкоторыя, и ихъ у насъ еще очень «немного,—которымъ ваши успѣхи ближе къ сердцу, кото- «рымъ ваша слава дороже чѣмъ кому-нибудь, это—драмати- «ческіе писатели, отъ лица которыхъ я и беру на себя пріят- «ную обязанность принести вамъ искреннюю благодарность.

«Можно угодить публикѣ, угождать ей постоянно, не «удовлетворяя нисколько автора; примѣры этому мы видимъ «часто. Но ни одинъ изъ русскихъ драматическихъ писате- «лей не можетъ упрекнуть васъ въ этомъ отношеніи; мало «этого, каждый изъ насъ, я думаю, долженъ признаться, что «игра ваша всегда была одною изъ главныхъ причинъ успѣ- «ха нашихъ пьесъ на здѣшней сценѣ. Вы не старались вы- «играть въ публикѣ на счетъ пьесы, напротивъ—успѣхъ вашъ «и успѣхъ пьесы были неразрывны. Вы не оскорбляли авто- «ра, вырывая изъ роли серьезное содержаніе и вставляя какъ «въ рамку свое, большею частію характера шутилаго, чтобъ «не сказать рѣзче. Ваша художественная душа всегда искала «въ роли правды и находила ее часто въ однихъ намекахъ. «Вы помогали автору, вы угадывали его намѣренія, иногда «неясно и неполно выраженные; изъ нѣсколькихъ чертъ, «набросанныхъ неопытной рукой, вы создавали околпеченныя

«типы, полные художественной правды. Вотъ чѣмъ вы и до-
«роги авторамъ; вотъ отчего и не мыслима постановка ни
«одной сколько-нибудь серьезной пьесы на петербургской
«сценѣ безъ вашего участія; вотъ отчего, даже при самомъ
«замыслѣ сценическаго произведенія, каждый писатель пе-
«ремѣнно помнитъ о васъ и зарпѣ готовится для вашего
«таланта мѣсто въ своемъ произведеніи, какъ вѣрное руча-
«тельство за будущій успѣхъ.

«Поблагодаримъ васъ и за то, что вы избѣжали искуше-
«нія, которому часто поддаются комики, искушенія тѣмъ бо-
«лѣе опаснаго, что оно льститъ скорымъ, безъ труда даю-
«щимся успѣхомъ. Вы никогда не прибѣгали къ фарсу, что-
«бы вызвать у зрителей пустой и безплодный смѣхъ, отъ ко-
«торого ни тепло, ни холодно. Вы знаете, что кромѣ ми-
«нутной веселости фарсъ ничего не оставляетъ въ душѣ, а
«продолжительный и часто повторяемый—доставляетъ актеру въ
«публикѣ, вмѣсто уваженія, чувство противоположное.

«Наконецъ самую большую благодарность должны прине-
«сти вамъ мы, авторы поваго направленія въ нашей литера-
«турѣ, за то, что вы помогаете намъ отстаивать самостоя-
«тельность русской сцены. Наша сценическая литература еще
«бѣдна и молода, — это правда, — по сѣ Гоголя она стала на
«твердой почвѣ дѣйствительности и идетъ по прямой дорогѣ.
«Если еще и мало у насъ полныхъ, художественно-закончен-
«ныхъ произведеній, зато ужъ довольно живыхъ, цѣлкомъ
«взятыхъ изъ жизни типовъ и положеній, чисто-русскихъ,
«только намъ однимъ принадлежащихъ; мы имѣемъ всѣ за-
«датки нашей самостоятельности. Отстаивая эту самостоя-
«тельность, работая вмѣстѣ съ нами для оригинальной коме-
«дін и драмы, вы заслуживаете отъ насъ самаго горячаго
«сочувствія, самой искренней благодарности. Если бы новое
«направленіе, встрѣтившее на сценѣ огромный переводный
«репертуаръ, не нашло сочувствія въ артистахъ, дѣло было
«бы сдѣлано только наполовину. Ваше художественное чув-
«ство указало вамъ, что въ этомъ направленіи правда, и вы
«горячо взяли за него. Приобрѣти извѣстность репертуа-
«ромъ переводнымъ, вы не смотрите съ неудовольствіемъ на
«новыя произведенія. Вы знаете, что переводы эфемерныхъ
«французскихъ произведеній не обогатятъ нашей сцены, что
«они только удаляютъ артистовъ отъ дѣйствительной жизни
«и правды, что успѣхъ ихъ въ неразборчивой публикѣ толь-
«ко вводитъ нашихъ артистовъ въ заблужденіе на счетъ ихъ
«способностей, и рано или поздно имъ придется разочаро-
«ваться въ этомъ заблужденіи. Несмотря на всѣ старанія,
«на всю добросовѣстность исполненія переводныхъ пьесъ, на-
«шимъ артистамъ никогда не избѣжать смѣси французскаго
«съ нижегородскимъ. Переводныя пьесы намъ нужны, безъ
«нихъ нельзя обойтись, но не надо забывать также, что опѣ-
«для насъ дѣло второстепенное, что онѣ для насъ роскошь,
«а насущная потребность наша въ родномъ репертуарѣ. Честь
«и слава вамъ, Александръ Евстаѣевичъ! Вы поняли отно-
«шеніе переводнаго репертуара къ родному и пользуетесь и
«тѣмъ и другимъ съ одинаковымъ успѣхомъ. Вы ѣдете за-
«пасаться здоровьемъ. Счастливаго вамъ пути! Запасайтесь
«имъ какъ можно болѣе. Для насъ, драматическихъ писате-
«лей, оно дороже, чѣмъ для кого-нибудь. Вѣрьте, что меж-
«ду искренними желаніями вамъ долгихъ дней, желаніи наши
«самыя искреннія. Господа! я предлагаю еще разъ выпить
«здоровье Александра Евстаѣевича!...»

Послѣ этого вторичнаго тоста, принятаго съ такимъ же

сочувствіемъ, какъ и первый, Н. А. Некрасовъ произнесъ
г. Мартынову слѣдующіе стихи:

Со славою прошелъ ты пол-дороги,
Пол-поприща ты доблестно свершилъ.
Мы молимъ одного: чтобы дарованъ боги
Тебѣ надолго крѣпость сплзъ..
Чтобы въ старости, бывое вспоинная,
Могли мы повторить, сѣбясь:
«А помнишь ли, гурьба какая
На этотъ праздникъ собралась?
Тутъ не было ни почестей народныхъ,
Ни громкихъ хвалъ; — однимъ онъ дорожъ былъ:
Свободную семью людей свободныхъ
Мартыновъ вокругъ себя въ тотъ день соединилъ!
И чѣмъ же? чѣмъ? Ни подкупа, ни лести
Тутъ и слѣда никто не могъ бы отыскать!...»
Мы знаемъ всѣ: ты стоишь большей чести,
Но мы даемъ, что можемъ дать.

Стихотвореніе это, возбудившее громкія «браво», было
повторено авторомъ вслѣдствіе общаго желанія.

На-дняхъ выставлена въ залѣ Дворянскаго Собранія
замѣчательная картина: «Второе пришествіе Господа наше-
го Иисуса Христа». Это копія съ знаменитой картины фанъ-
Эйка, находящейся въ данцигскомъ соборѣ. Исторія этой
картины очень любопытна. Ее похитили пираты въ то вре-
мя, когда везли ее на кораблѣ изъ Италіи; но данцигскіе мо-
ряки отбили ее у пиратовъ и привезли въ Данцигъ. Съ тѣхъ
поръ она стояла въ данцигскомъ соборѣ, пока не перевезли
ее, по приказанію Наполеона, въ Луврскій музей. Послѣ
ссылки великаго императора на островъ св. Елены, картина,
по требованію Прусскаго короля, была возвращена въ Дан-
цигъ. Она написана въ XIV вѣкѣ и считается образцовымъ
произведеніемъ. За нее предлагали большія суммы; Петръ
Великій, между прочимъ, хотѣлъ купить ее, но Данцигъ упор-
но отказывался отъ всѣхъ выгодныхъ предложеній. Даже ко-
пій ея никогда не было, и та, которая привезена теперь
въ Петербургъ, единственная.

За тѣмъ особенно интересныхъ новостей въ Петербургѣ,
за исключеніемъ концертовъ, о которыхъ говорится въ сво-
емъ мѣстѣ, рѣшительно нѣтъ. Чтобы не говорить о погодѣ,
любимомъ предметѣ всѣхъ фельетонистовъ, которымъ не о-
чемъ говорить, переходимъ къ новостямъ заграничнымъ.

Мы уже упоминали въ нашемъ журналѣ объ установленіи
во Франціи нормальнаго, т. е. постояннаго діапазона, или,
какъ говорятъ у насъ, камертона; представляемъ теперь из-
влеченіе изъ доклада о немъ комиссіи, составленнаго Га-
леви.

Парижъ, 1 февраля, 1859 г.

Господинъ министръ

Вы поручили комиссіи изыскать средства ввести во Фран-
ціи однообразный музыкальный діапазонъ, опредѣлить мѣру
для звуковъ, которая могла бы служить неизмѣняемымъ ти-
помъ, и указать на мѣры, необходимыя для того, чтобы этотъ
диапазонъ былъ принятъ и сохраненъ».

Вы сказали комиссіи, «что постоянно-возрастающее воз-
вышеніе діапазона представляетъ неудобства, отъ которыхъ
равно терпятъ: музыкальное искусство, артисты и фабрикан-
ты инструментовъ, и что разница въ діапазонахъ разныхъ
странъ, разныхъ музыкальных учреждений и инструменталь-
ныхъ фабрикъ служитъ источникомъ постоянныхъ затрудне-
ній для многоголосной музыки (musique d'ensemble) и для
коммерческихъ сношеній».

Ваше постановленіе было основано на этихъ данныхъ.

Комиссія копчила трудъ свой. Она обязана представить
вамъ отчетъ о своихъ дѣйствіяхъ, о пути, которому слѣдо-

вала; она представляеть, на оцѣнку вашего превосходительства, результатъ, до котораго достигла.

I.

Не подлежитъ сомнѣнію, что въ продолженіе цѣлаго столѣтія діапазонъ постоянно возвышался. Еслибъ изученіе произведеній Глука не доказывало распредѣленіемъ въ нихъ голосовъ, что они написаны подъ вліяніемъ гораздо болѣе низкаго діапазона, нежели современныя намъ композиціи, то органы того времени могли бы служить неопровержимымъ доказательствомъ.

Коммиссія занялась сперва объясненіемъ этого страннаго обстоятельства и, какъ благоразумный врачъ, изслѣдующій причины зла, прежде нежели начать его врачеваніе, она изслѣдовала причины, могшія породить возвышеніе діапазона.

Для объясненія этого возвышенія существуютъ данныя. Органы, о которыхъ было сейчасъ упомянуто, ниже нынѣшняго діапазона на пол-тона; но этотъ тонъ былъ недостаточенъ для оперныхъ театровъ того времени. Руссо въ своемъ «Dictionnaire de musique», въ статьѣ «Тонъ», говоритъ, что тонъ парижскихъ оперъ былъ ниже тона капеллы. Слѣдовательно, тонъ оперъ, во времена Руссо, былъ болѣе, нежели цѣлымъ тономъ ниже нынѣшняго. Однако же пѣвцы того времени, по свидѣтельству многихъ писателей, старались возвышать голоса; вслѣдствіе ли недостатка въ музыкальномъ образованіи, по недостатку ли вкуса, или вслѣдствіе требованій публики, — они кричали. Пѣвцы эти, находившіе средство кричать при такомъ низкомъ тонѣ, не имѣли никакихъ причинъ требовать возвышенія тона, которое потребовало бы еще большихъ усилій голоса; и вообще никогда, ни въ какой странѣ, ни одинъ пѣвецъ не могъ желать болѣе высокаго діапазона, который портитъ голосъ, требуетъ большихъ усилій и сокращаетъ театральное поприще пѣвца. Ясно, что пѣвцы невиноваты въ возвышеніи діапазона и не должны быть въ немъ обвинены.

Музыкальные писатели, — что ни говорили бы люди, не имѣющіе вѣрнаго взгляда на музыку, — не могли также желать возвышенія діапазона. Высокій тонъ для нихъ невыгоденъ. Чѣмъ выше діапазонъ, тѣмъ скорѣе достигаетъ пѣвецъ предѣловъ своего голоса, и развитіе музыкальной фразы отъ этого, разумѣется, теряетъ. Композиторъ носитъ типъ голосовъ въ головѣ своей, въ своемъ воображеніи, въ своемъ сердцѣ. Фразу, которую онъ пишетъ, диктуетъ ему пѣвецъ, имъ однимъ только слышимый, пѣвецъ, который всегда хорошо поетъ. Его гибкій, чистый, понятный и вѣрный голосъ сообразуется съ умѣреннымъ діапазономъ, постоянно присущимъ слуху композитора. Композитору выгодно, слѣдовательно, сообразоваться съ удобнымъ для голосовъ діапазономъ, который даетъ ему больше свободы, больше господства надъ эффектами, которые онъ хочетъ произвести, легче возбуждаетъ его вдохновеніе. Да и какое же имѣетъ онъ средство къ возвышенію діапазона? Развѣ онъ фабрикуетъ или заказываетъ тѣ маленькіе инструменты, которые вводятъ насъ въ заблужденіе? Развѣ онъ подаетъ оркестру *la*? Мы никогда не видали и не слышали, чтобы маэстро, недовольный скромностью (*réserve*) оркестра, заказывалъ себѣ собственный камертонъ, съ цѣлю возвысить тонъ цѣлаго оркестра. Онъ встрѣтилъ бы въ такомъ случаѣ тысячи противорѣчій и затрудненій. Нѣтъ, не композиторъ даетъ діапазонъ; — онъ ему подчиняется; нельзя, слѣдовательно, обвинять и композиторовъ въ возвышеніи тона.

Замѣчательно, что это возрастаніе тона было не только

постоянно, но и повсемѣстно, что оно не ограничилось Франціей, а перешагнуло черезъ Альпы и Анпенны, переплыло океанъ. Нельзя, слѣдовательно, исключительно обвинять Францію, на которую охотно сваливаютъ неустройства, возникающія по-временамъ въ музыкальномъ мірѣ. Франція только принимала участіе въ этомъ нашествіи возрастающаго діапазона, но, будучи соучастницей въ немъ, была также и жертвою его. Причины этого нашествия не могли быть случайны и не могли принадлежать исключительно одной какой-нибудь странѣ. Онѣ имѣли, вѣроятно, основаніе и были тѣсно связаны съ какимъ-нибудь интересомъ. Кто же могъ имѣть выгоду въ возвышеніи того *la*, которое завѣшали намъ предки наши? — всѣ, которые изготовляютъ камертоны: они виноваты, виноваты инструментальные мастера, для которыхъ заключается очевидная выгода въ возвышеніи тона. Чѣмъ выше тонъ, тѣмъ онъ блистательнѣе. Инструментальный мастеръ сообразуетъ, вслѣдствіе этого, свой камертонъ съ тѣмъ изъ своихъ инструментовъ, который кажется ему звучнымъ и эффектнымъ. Инструментальный мастеръ болѣе всего заботится о звучности своего инструмента, составляющей конечную цѣль его стремленій; онъ старается увеличить силу, чистоту и прозрачность создаваемыхъ имъ голосовъ. Обрабатываемые имъ металлы и дерево получаютъ, повинаясь законамъ резонанса, звучность (*timbre*), которою пользуется искусный виртуозъ. Инструментальный мастеръ и виртуозъ соединены, слѣдовательно, другъ съ другомъ общими интересами, а потому поддерживаютъ другъ друга. Пробравшись въ оркестръ, они властвуютъ въ немъ, повѣлываютъ и легко увлекаютъ его на выгодиную для нихъ высоту. Дѣйствительно, оркестръ принадлежитъ имъ, или, вѣрнѣе, они принадлежатъ оркестру, а потому-то виртуозъ, подавая *тонъ*, управляетъ ученіемъ, усиліями и будущностію пѣвца.

Значительная звучность, приданная духовымъ инструментамъ, скоро получила прямое примѣненіе и, вслѣдствіе этого примѣненія, еще болѣе усилилась. Музыка, удобно ко всему примѣняемая и вездѣ находящая себѣ мѣсто, предшествуетъ полкамъ; она наигрываетъ войнамъ пѣсни, одушевляющія ихъ и напоминающія имъ отечество. Въ этомъ случаѣ необходимо, чтобы голосъ ея былъ громокъ, твердъ и разносился бы на далекое пространство. Военная музыка овладѣла въ свою очередь діапазономъ и, возвысивъ его, разносила въ этомъ видѣ по всей Европѣ. Это видно, между прочимъ, изъ письма директора пражской консерваторіи, Киттля, который жалуется на военные австрійскіе оркестры, діапазонъ которыхъ полутонъ выше діапазона различныхъ музыкальных учреждений. Эта разница существуетъ со временъ Императора Александра I-го, который, сдѣлавшись шефомъ одного изъ австрійскихъ полковъ, приказалъ сдѣлать для него новыя инструменты. Мастеръ, которому эти инструменты были заказаны, возвысилъ ихъ діапазонъ, чтобъ придать изъ звуку больше свѣжести и блеску. Это нововведеніе возбудило соревнованіе прочихъ военныхъ оркестровъ, которые также возвысили свои діапазоны.

Но въ настоящее время, военная музыка могла бы понизить свой діапазонъ. Гордость ея не пострадала бы отъ этого и голосъ ея не сдѣлался бы отъ этого менѣе воинственнымъ и звучнымъ. Значительное число мѣдныхъ инструментовъ, находящихся въ ея распоряженіи, придало ей больше твердости и рельефности, которой ей прежде не доставало. Будемъ, впрочемъ, надѣяться, что новыя усовершенствованія въ производствѣ инструментовъ избавятъ нѣкоторые изъ нихъ

отъ вредныхъ недостатковъ и откроютъ имъ новый путь къ богатѣмъ тональностямъ. Почтенный генералъ, представляющій въ комиссіи организацію военныхъ хоровъ, употребитъ всѣ свои силы къ достиженію этой цѣли, къ этому истинному прогрессу, который доставитъ военнымъ оркестрамъ новыя вспомогательныя средства и поможетъ имъ разнообразить эффекты звучности.

Мы полагаемъ, господинъ министръ, что доказали, что возвышеніе діапазона произведено усиліями промышленности и виртуозовъ, что ни композиторы, ни пѣвцы не повинны въ немъ. Музыка духовная и драматическая подчинились движению, не будучи въ состояніи ему противиться, или не желая отъ него избавиться. Можно, слѣдовательно, понизить въ извѣстной мѣрѣ діапазонъ, съ полною увѣренностію, что это послужитъ въ пользу истиннымъ, величайшимъ интересамъ искусства.

Ф. Галеви,

членъ Института, непремѣнный секретарь Академіи изящныхъ искусствъ.

Мы еще разъ возвратимся къ докладу г. Галеви.

— На парижскомъ театрѣ Ambigu-Comique давали недавно новую драму Поля Мериса «Школьный учитель». Г. Мерисъ, одна изъ драмъ котораго «Бенвенуто Челлини» играетъ съ большимъ успѣхомъ, въ переводѣ г. Василько Петрова, на здѣшней и московской сценахъ, писатель очень даровитый, никогда еще не испытывавшій неудачи. Новая драма его, въ которой главную роль играетъ знаменитый Фредерикъ Леметръ, имѣетъ огромный успѣхъ. Она очень эффектна и интересна. Нѣтъ сомнѣнія, что ее поставятъ на нашей сценѣ и тогда мы подробнѣе поговоримъ о ней.

На театрѣ «Gymnase Dramatique» съиграли съ успѣхомъ новую пяти-актную комедію Эмиля Ожье и Э. Фуссье «Выгодный бракъ». Эта пьеса можетъ служить панданомъ къ другой пьесѣ Эмиля Ожье «Зять господина Пуарье»; и въ ней главнымъ двигателемъ деньги. Молодой бѣдный человѣкъ женится на богатой и красивой дѣвушкѣ, но женится не изъ расчета, а потому что любитъ. Скоро приходитъ онъ къ убѣжденію, что бѣдному никогда не должно жениться на богатой, потому что непремѣнно сдѣлаешься рабомъ ея приданнаго. Но нашъ бѣдникъ—человѣкъ съ энергіей: онъ не выноситъ деспотизма своей богатой семьи, покидаетъ ее и рѣшается существовать трудомъ. Эта рѣшимость приводитъ его къ наилучшимъ послѣдствіямъ: онъ приобретаетъ почетъ, извѣстность и, что всего лучше, привлекаетъ къ себѣ жену свою, которая покидаетъ для него свою мать и отказывается отъ богатства. Скоро и мать является вслѣдъ за дочерью и приноситъ съ собой богатство, въ которомъ онъ, впрочемъ, уже не нуждается. Въ этой пьесѣ есть прекрасная роль для г. Бертона.

Кстати о г. Бертонѣ. Онъ даетъ въ свой бенефисъ, который будетъ вскорѣ послѣ Свѣтой недѣли, въ Большомъ Театрѣ, оперетку «Орфей въ аду», имѣвшую неслыханный успѣхъ на театрѣ «Bouffes Parisiens» и до-сихъ-поръ еще привлекающую въ Парижѣ многочисленную публику.

— Директоръ Ковентгардскаго театра въ Лондонѣ, г. Гей, обнародовалъ свою программу на будущій сезонъ, который долженъ начаться 2-го апрѣля. Вотъ списокъ ангажированныхъ артистовъ; пѣвицы: Гризи, Дидье, Марай, Тальяфико, Лева, Бозио, Лотти, Дельфина Кальдеронъ; пѣвцы: Маріо, Лукези, Россн, Нери-Бальди, Гардони, Тамберликъ, Ронкони, Тальяфико, Полонини, Цельгеръ, Граціани, Дебассини; тан-

цовщицы: Зина Ришаръ, Дельшо, Эсперъ, Антуанетта, Де-плассъ; капельмейстеръ—Коста.

— Праздникъ въ честь Генделя произойдетъ въ Кенигсбергѣ въ Духовъ день и будетъ продолжаться три дня. Прежде всего исполнить «Мессію», потомъ нѣсколько другихъ произведеній Генделя, а въ третій день будетъ концертъ виртуозовъ. По этому случаю составилъ комитетъ подъ предсѣдательствомъ директора музыкальной академіи, доктора Франца Зандера.

— Извѣстная Шредеръ-Девриентъ пустилась въ литературу. Нѣкоторыя изъ ея статей отосланы уже въ лейпцигскій журналъ «Die Gartenlaube» и будутъ скоро въ немъ напечатаны.

— Теноръ Ниманнъ и невѣста его, драматическая актриса Зеобахъ, подали въ дирекцію ганноверскаго театра просьбу объ отставкѣ; они получали вдвоемъ 10,000 талеровъ жалованья и пользовались полугодовымъ отпускомъ. Причина ихъ удаленія—ссора съ директоромъ. Много ли найдется такихъ безкорыстныхъ артистовъ!...

— Вслѣдствіе довольно-шумныхъ проявленій неудовольствія неаполитанской публики, недовольной репертуаромъ театра Санъ-Карло, въ газетахъ перепечатано постановленіе 1821 года, въ силу котораго—нарушающіе общественный порядокъ въ театрѣ подвергаются тюремному заключенію отъ одного года до пяти лѣтъ.

М. Р.

НѢМЕЦКІЙ ТЕАТРЪ ВЪ ГЕРМАНИИ.

IV.

(Продолженіе.)

Отличіе языка и манеръ было у Иффланда врожденнымъ качествомъ, посредствомъ котораго онъ выражалъ данныя, полученные имъ въ школѣ Экгова. Отличный писатель, также какъ и его два друга, онъ смотрѣлъ на драматическое искусство, какъ на самостоятельное цѣлое въ поэзіи. Въ этомъ онъ расходился съ Шредеромъ, который переносилъ прямо на сцену природу и свои собственныя впечатлѣнія; Иффландъ же, напротивъ, былъ изъ того числа людей, которые сходятъ въ глубокія пропасти и поднимаются на недостижимыя вершины, тщетно отыскивая первоначальнаго огня. Школа Мангейма, изыскивая всѣ средства, чтобы сохранить традиціи и подражаніе природѣ, сдѣлала первый шагъ на этомъ сентиментальномъ поприщѣ и часто, подъ предлогомъ стремленія къ идеалу, впадало въ аффектацію и подробности совершенно излишнія на сценѣ. Баронъ де Дальбергъ, министръ двора, имѣлъ высшее управленіе театра; онъ соединилъ свои аристократическія и просвѣщенные дѣйствія съ такими же 3-хъ друзей. Онъ покушался создать изъ новаго театра драматическую академію, учредивъ тамъ конкуренцію, въ которой бы принимали участіе и актеры и куда бы они сзывались, чтобы рѣшать чисто-артистическія вопросы, каковы напримѣръ: что такое природа и каковы предѣлы, въ которыхъ должно ограничиваться сценическое дѣйствіе? какое достоинство причино театру и какимъ образомъ можетъ его достигнуть актеръ? какой успѣхъ болѣе пріятенъ актеру: аплодисменты или вообще молчаніе зрителей? Это учрежденіе имѣло такихъ враговъ, какъ Гансъ-Вуретъ въ Лейпцигѣ или Вѣнѣ, какъ опера въ Гамбургѣ, но зато они встрѣтили борьбу средневѣковой и рыцарской драмой, драмой самыхъ жестокихъ страстей, грубыхъ и суровыхъ характеровъ, которая имѣла самыхъ жаркихъ подражателей, по-

лучившихъ первой толчекъ отъ Goetz von Berlichingen, піесы Гёте. За этимъ увидѣли явленіе подъ видомъ историческихъ картинъ: «Agnès Bernauer» и «Gaspard de Thorringer» графа Тёрринга (Thoerring), «Sturm de Boxberg» Мейера, «Otto de Wittelsbach» Бабо (Babo), «Otto le Chasseur», «Clara de Hoheneichen» Шписса и огромное количество другихъ мелодраматическихъ произведеній, которыя держались не болѣе какъ одинъ сезонъ. Наконецъ появились знаменитые «Разбойники» Шиллера, которые были представлены первый разъ въ Мангеймѣ 13 января 1782 г. Это произведеніе произвело самое глубокое впечатлѣніе, которое очень долгое время не уменьшалось, что доставляло большія выгоды театру. Вскорѣ послѣ того, какъ Шиллеръ былъ названъ «драматургомъ» мангеймскаго театра, онъ представилъ свои піесы «Conjuratıon de Fiesque», Intrigue et amour (Cabale und Liebe), которыя безъ сомнѣнія достойны, чтобъ занять видное мѣсто въ литературѣ. — Но всѣ произведенія Шиллера несчастны собственно для драматическаго искусства въ томъ отношеніи, что они распространили до-крайности вспышки страстей, создали характеры слишкомъ выраженные, съ цѣлю доставить актеру меньшую часть труда въ обработкѣ своей роли, и стремились завладѣть искусствомъ уже довольно утомленнымъ. Піесы Иффланда, болѣе умѣренныя, болѣе тонкія въ выраженіяхъ и поступкахъ, доставили, какъ таланту автора ихъ, такъ и актерамъ мангеймскаго театра; гораздо болѣе средствъ выказаться съ хорошей стороны. Къ одному изъ самыхъ успѣшнѣйшихъ представленій на мангеймскомъ театрѣ отнесется представленіе піесы «Ричардъ Львиное сердце» (Richard Coeur de Lion), данный въ присутствіи эмигрантовъ, которые въ то время стекались на берега Рейна и послѣ, когда въ Мангеймѣ былъ задержанъ Людовикъ XVI. Въ этотъ вечеръ не только букеты, вѣнки, стихи лились на сцену какъ дождь, но и кошельки съ золотомъ падали въ обиліи, такъ что актеры смотрѣли на все это, какъ на небесную манну, идущую къ ихъ ногамъ. Въ концѣ піесы Иффландъ вскричалъ экспромтомъ по-французски, чѣмъ привелъ въ невыразимый восторгъ зрителей: «найдеъ ли король другаго Блонделя, который его спасетъ?»... Въ Берлинѣ театръ получалъ отъ казны ежегоднаго вспомошествованія изъ 6000 талеровъ и именовался, какъ и всѣ прочіе театры въ Германіи, національнымъ. Директоромъ берлинскаго театра былъ знаменитый трагикъ Флеккъ, который старался уничтожить презрѣніе короля Фридриха II къ литературѣ и искусствамъ. Но Флеккъ, замѣчательный какъ артистъ, былъ не совсѣмъ способенъ къ директорской должности: онъ не могъ образовывать школы и былъ слишкомъ мало себялюбивъ, чтобы управлять труппою. Иффландъ, принужденный оставить Мангеймъ по причинѣ бомбардированія города въ 1796 г., прибылъ въ Берлинъ. Его пріѣздъ былъ очень кетати—и впечатлѣніе, которое Иффландъ произвелъ на публику, побудило короля Пруссіи передать ему управленіе національнымъ театромъ. Этотъ второй періодъ дѣйствій Иффланда на нѣмецкой сценѣ не такъ блестящъ какъ первый, хотя и доставилъ ему много чести, благодаря его уклончивости, любезности и его литературному нейтралитету. Ревнистый приверженецъ народныхъ драмъ, но для того, чтобы успокоить зависть Флекка и сдѣлать полезнымъ театру талапъ этого замѣчательнаго трагика, а также и для того, чтобы сохранить въ репертуарѣ историческія драмы и главныя произведенія Шекспира, Иффландъ представлялъ на берлинскомъ театрѣ трилогію «Валленштейнъ» въ слѣдствіе успѣха, кото-

рый она имѣла въ Веймарѣ. Флеккъ исполнилъ роль героя такъ, какъ никогда еще не исполнялъ прежде; онъ создалъ ее своимъ вдохновеніемъ, чрезъ что піеса получила извѣстность, доставившую большія выгоды театру... Въ этотъ второй періодъ своего директорства Иффландъ былъ также приглашенъ слѣдить за движеніемъ драматическаго искусства, которое воодушевляло гепій одного изъ величайшихъ писателей Германіи;—это былъ Гёте, пріѣхавшій въ 1775 г. въ Веймаръ. Тотчасъ явилась мысль образовать подъ его начальствомъ труппу любителей. Импровизированными актерами были самъ веймарскій герцогъ, принцесса Амалия—его жена, князь Константинъ и его гувернеръ М. де Кнебель, поэты: Эйндзленъ, де Зеккендорфъ, Бертушъ, Боденъ и Музае съ (Musaeus), знаменитая пѣвица Корона Шретеръ, дѣвица де Рудорфъ, Котцебу и Гёте. Эта была сцена идеальная и, какъ говорить Эдуардъ Девриенъ, «прекрасный, избалованный, розовый, дышущій здоровьемъ ребенокъ въ сравненіи съ бѣднымъ, робкимъ, стыдливымъ и притомъ еще испорченнымъ путникомъ, который съ трудомъ отыскиваетъ себѣ дорогу къ національному искусству, разѣзжая по большимъ городамъ»...

(Продолженіе впрѣдъ.)

ЮНОСТЬ БЕТХОВЕНА.

(Продолженіе)

Когда Лудвигъ уѣхалъ, мать его очень плакала, но Петеръ Пирадъ явился ее утѣшать. — «Не плачьте, многоуважаемая мадамъ де Бетховенъ, сказалъ онъ; Луди возвратится къ вамъ счастливымъ и довольнымъ, а если и нѣтъ, то знайте, что назначеніе великихъ артистовъ страдать и даже умирать, приготовляя тысячи наслажденій своимъ избраннымъ, а я вамъ ручаюсь головой, мадамъ, Лудвигъ будетъ великимъ артистомъ!...»

Весной 1790 г. Лудвигъ вѣхалъ въ Вѣну.

Странное чувство овладѣло имъ, когда онъ увидѣлъ въ первый разъ этотъ огромный городъ,—какъ бы предчувствіе того, что онъ долженъ былъ испытать и пережить въ столицѣ Австріи.

Гайдн Лудвигъ не засталъ уже въ Вѣнѣ; знаменитый композиторъ уѣхалъ незадолго передъ тѣмъ въ Лондонъ. Юноша горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе сблизиться съ своимъ великимъ образцомъ, неподражаемымъ Моцартомъ.

Лучшій другъ Гайдна, Альбрехтсбергеръ, взялся представить Бетховена Моцарту.—Только прошу не огорчаться, замѣтилъ Альбрехтсбергеръ смѣясь, если два раза проходимъ попустому; г. Шиканедеръ совсѣмъ завладѣлъ добрымъ композиторомъ. Моцартъ пишетъ оперу для его сцены; Шиканедеръ безпрестранно устраиваетъ увеселительныя поѣздки въ Медлингъ, Баденъ и др. города, чтобы развлечь нашего композитора и заставить его безъ неудовольствія перемѣнять то или другое въ его партитурѣ. Конечно это грѣхъ, что Моцартъ долженъ работать для такого человѣка. Но, милостивый Боже! ему надо прокармливать жену и дѣтей, а вѣдь Гайднъ и другіе честные люди сказали, что его капельмейстерское мѣсто доставляетъ ему 800 гульденовъ и то только годъ тому назадъ, не болѣе.

Дѣйствительно Лудвигъ нѣсколько разъ понапрасну съ Альбрехтсбергеромъ приходилъ къ Моцарту; наконецъ въ одинъ пасмурный день, не годившійся для увеселительныхъ поѣздокъ, наши пріятель нашли Моцарта дома. Еще на улицѣ Лудвигъ и Альбрехтсбергеръ слышали игру Моцарта.

Лудвигъ взошелъ на лѣстницу съ сильно бьющимся сердцемъ и вступилъ въ храмъ искусства. Въ передней двери были отворены въ гостиную и Бетховенъ увидѣлъ Моцарта сидящаго за флигелемъ. Подлѣ него сидѣлъ маленькій толстенькій человѣкъ съ краснымъ лоснящимся лицомъ, а у окна жена Моцарта, Констанція, укачивая съ материнскою нѣжностью своего крошечнаго сына Вольфганга, между тѣмъ какъ старшій игралъ на полу у ногъ матери.

— Послушай-ка, братецъ, закричалъ вдругъ толстякъ, схвативъ игравшаго Моцарта за руки, кажется ты тутъ прибавилъ фугу, или какъ у васъ тамъ это пазывается?... Фуга никуда не годится... ты долженъ это перемѣнить. Слушай, я скажу тебѣ, какъ я по-своему выдумалъ... Тихое адажіо можетъ по-моему остаться: его публика не будетъ слушать, разсаживаясь на скамейкахъ и хлопая дверьми ложъ; но быстрое аллегро должно непременно начинаться флейтой: дидель дидель дн! а потомъ можно пустить въ ходъ мои дудочки, а потомъ...

— Ты безстыдный певѣжа, прервалъ его Моцартъ, вскочивъ съ гнѣвомъ, и оселъ! Вижу, къ сожалѣнію, я во многомъ тебѣ уступалъ, но до увертюры тебѣ нѣтъ дѣла и да накажетъ меня Богъ, если я въ ней перемѣню хотя одну ноту; лучше возьму назадъ всю оперу и выброшу ее за окошко.

— Если ты не хочешь писать въ народномъ духѣ, я не могу принять твою оперу, возразилъ толстякъ.

— Хорошо! вскричалъ рѣшительно Моцартъ, останусь безъ кофѣйки, буду голодать съ дѣтьми, а не стану писать по заказу...

— Та, та, та, отвѣчалъ толстякъ, хорошо видѣвшій, что съ маэстро шутить нельзя; пожалуй, оставь увертюру въ прежнемъ видѣ: она миѣ и такъ нравится; я вѣдь только хотѣлъ передать тебѣ свои идеальныя мысли.

— Глупыя мысли, проворчалъ Моцартъ, обернувшись въ другую сторону и замѣтилъ вошедшихъ. Лицо его тотчасъ же прояснилось. Почти съ дѣтскою почтительностью привѣтствовалъ онъ Альбрехтсбергера и обратилъ потомъ вопросительный взглядъ на Лудвига.

— Г. ванъ Бетховенъ изъ Бонна, сказалъ Альбрехтсбергеръ, представляя Лудвига, начинающій композиторъ и отличный музыкантъ, горячо желающій коротко съ вами познакомиться.

— Милости просимъ, сегодня вы мой гость вмѣстѣ съ добрымъ Альбрехтсбергеромъ, вскричалъ Моцартъ, радушно пожимая руку юноши, потомъ повелъ его къ окну, гдѣ сидѣла его жена. — А вотъ моя женушка, продолжалъ Моцартъ, а это мои сынишки; вотъ этотъ крошечный жучокъ не болѣе двухъ недѣль какъ явился на свѣтъ. Онъ обвилъ рукой шею Констанціи и, нагнувшись къ ребенку, ласкалъ его. Съ глубокимъ чувствомъ смотрѣлъ Лудвигъ на великаго маэстро; онъ представлялъ его совѣмъ другимъ, думалъ найти колоссальнаго человѣка, какъ гигантъ Гендель, и встрѣтилъ маленькое существо съ нѣжнымъ тѣлосложеніемъ, съ несомнѣнными признаками продолжительнаго нездоровья; но прекрасные огненные черные глаза обличали творца Донъ-Жуана, Идомею и великой симфоніи въ Д.

— Такъ вы также композиторъ? спросилъ толстякъ, подходя къ Лудвигу. — Послушайтесь меня, молодой человѣкъ, продолжалъ онъ съ важностью, послѣдуйте моему совѣту, напишите одни оперы; повторяю вамъ, опера самая важная вещь въ мірѣ.

Лудвигъ взглянулъ на него съ удивленіемъ.

— Герръ Эмапусель Шиканедеръ, сказалъ едва удерживаясь отъ смѣха Альбрехтсбергеръ, знаменитый директоръ вѣнскаго театра.

— Да, да, это я, отвѣчалъ самодовольно толстякъ, стараясь принять важный видъ. Говорю вамъ, я хорошо знаю публику, знаю что ей надобно, раскусилъ ее слабую сторону, еслибъ только Моцартъ всегда со мной соглашался! Но вѣдь это упрямая голова!... Говорю вамъ: если вы миѣ что-нибудь напишете (я самъ написалъ съ дюжину оперъ), я вамъ дамъ даровой билетъ въ мой театръ!... Приѣзжайте, приѣзжайте ко миѣ въ театръ; въ воскресенье дадутъ въ первый разъ «Волшебную флейту», славную піесу; музыка тоже не дурна, немного только высокопарна; я самъ играю Папагено!...

(Продолженіе впрѣдъ).

Ф. Т. СТЕЛЛОВСКІЙ.

поставщикъ Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА и издатель музыки, доводитъ до свѣдѣнія, что онъ приобрѣлъ, на законномъ основаніи, исключительное право собственности на изданіе и продажу въ Россіи и за границей полной оперы:

АСКОЛЬДОВА МОГИЛА,

слова Загоскина, музыка

А. Н. ВЕРСТОВСКАГО,

которая въ непродолжительномъ времени выйдетъ въ свѣтъ. Гг. издатели симъ предвѣщаютъ чтобы, въ случаѣ какихъ либо изданныхъ ими арранжировокъ или переложеній изъ вышеупомянутой оперы безъ его письменнаго на то согласія, благоволили отнестись къ нему Стелловскому съ своими доказательствами на изданіе чего-либо изъ оперы «Аскольдова могила» до 1-го мая сего 1859 года. Въ противномъ случаѣ

Стелловскій, какъ законный владѣлецъ оперы: «Аскольдова могила», будетъ преслѣдовать, на основаніи законовъ, всѣ арранжировки и передѣлки изъ оперы «Аскольдова могила», какъ здѣсь въ Россіи вышедшія, такъ и вывозимыя изъ-за границы въ экземплярахъ иностранныхъ изданій (См. Высочайше утвержденное 9-го января 1845 года мнѣніе Государственнаго Совѣта въ изданіи 1857 г.).

Печатать дозволяется. С. Петербургъ, 21 марта 1859 года. Цесарь Д. Мацкевичъ.

Въ типографіи Я. Іонсона.

Редакторъ М. РАППАПОРТЬ.

Идатель Ф. СТЕЛЛОВСКІЙ.